

УДК/UDC 101.1:316

DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-70-77

EDN: TMMBTF

Научная статья / Original article

НАРРАТИВНЫЙ СМЫСЛ: СЕМИОЗИС И ИДЕНТИЧНОСТЬ

В. В. Бабич

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Предметом исследования выступает нарративный смысл, который, как утверждается, является необходимым условием понимания мира, 'Я' и человеческих действий. Анализируются онтологические, гносеологические и герменевтические предпосылки смыслообразования. Демонстрируется, что нарративный смысл связывает личный опыт с совокупностью контекстов: культурным, этическим и темпоральным. В рамках данных контекстов личностное существование обретает интерпретацию и значимость благодаря организации событий в целостный сюжет, в котором обнаруживается внутренняя направленность и телеологичность предстает одной из возможных модальностей смысла. Доказывается, что нарративный смысл раскрывается как синтетическая категория, репрезентирующая онтологическую укорененность человека в мире, гносеологическую активность сознания и герменевтический опыт нашего существования. Признается ключевая роль нарратива как средства семиозиса. Утверждается, что в контексте формирования личной идентичности нарративный смысл выступает ключевым основанием для удержания чувства собственной аутентичности (идентичности 'Я') перед модальностью 'несобственного' существования.

Ключевые слова: нарративный смысл, нарративизм, смыслообразование, семиозис, личная идентичность, телеология, субъектность, герменевтика.

Для цитирования: Бабич В. В. Нарративный смысл: семиозис и идентичность // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 70–77. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-70-77. EDN: TMMBTF.

© Бабич В. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

NARRATIVE MEANING: SEMIOSIS AND IDENTITY

V. V. Babich

Tomsk State University, Russia, Tomsk, Lenina Ave., 36, 634050

The article examines the narrative meaning that allows constructing an understanding of the surrounding world, oneself, and human actions through stories that give events, motives, and goals meaning, forming a single narrative plot. Ontological, epistemological, and hermeneutic prerequisites for meaning-making are analyzed. The narrative meaning is demonstrated, linking personal experience with cultural, ethical, and temporal contexts in which one's own existence acquires a narrative form through the linking of events into a plot, in which not randomness or absurdity is revealed, but a direction in the context of which teleology manifests itself as one of the possible modalities of meaning. It is proved that the narrative meaning is revealed as a synthetic category representing the ontological rootedness of man in the world, the epistemological activity of consciousness, and hermeneutic experience. The key role of narrative as a means of semiosis is recognized. It is argued that in the context of the formation of personal identity, the narrative meaning of autobiographical narration acts as a key basis for maintaining a sense of one's own authenticity in the face of the modality of 'unnatural' existence.

Keywords: narrative meaning, narrativism, meaning-making, semiosis, personal identity, teleology, subjectivity, hermeneutics.

Введение

Сто лет назад, стремясь сделать философию инструментом ясного мышления, Мориц Шлик задался вопросом 'Что есть смысл?'. В своих рассуждениях он приходит к выводу, что смысл — это не абстрактная 'истина', а связь утверждения с эмпирической реальностью через процедуру проверки. По его мнению, вопрос о смысле должен был выйти за пределы абстрактной метафизической игры и стать основополагающим для прояснения содержания научных суждений [1, с. 188; также см.: 2 с. 448–450]. Такой подход стал программной основой для критики спекулятивной метафизики в аналитической философии XX века.

Позднее, к концу XX века, постструктуралистами была реализована деконструкция 'больших нарративов', оставившая после себя поле 'смысловых руин', что способствовало релятивизации любого высказывания о смысле. К этому добавилось разделение философии на аналитическую и континентальную, где 'смысл' в аналитической философии (как референция) и в экзистенциализме (как проект бытия) — это принципиально разные концепты.

Развитие технологий конца XX — начала XXI века породило парадокс: человечество обладает беспрецедентным объемом информации, но все чаще сталкивается с смысловым вакуумом. Это диагностично выразил Ноам Хомский, рассуждая о феномене интернета: «Доступ к интернету — великое благо. Однако информация эта мимолетна и призрачна... Никакого смысла нет иметь доступ к необъятным данным, если вы не способны разобраться в них» [3, с. 154–155].

Отдельной проблемой является определение связи смысла и этики в современном мире. В мире, где технологии опережают моральное осмысление и решения искусственного интеллекта влияют на человеческие судьбы, этика без смысла рискует превратиться в набор алгоритмов. К сонму всех этих проблем необходимо добавить процессы, разворачивающиеся в рамках глобализации: смешивание культурных кодов, ускорение процессов, подмена идентичности цифровыми симулякрами и т. д. В таких условиях, вопрошая о смысле как о том, что позволяет преодолеть сегментацию и обнаружить 'подлинность', человек оказывается между двух полюсов: релятивизма и фундаментализма.

Проблема 'смысла' в современной науке утратила исключительно философскую монополию, будучи инкорпорированной в исследовательское поле когнитивных наук, кибернетики, социологии, психологии и лингвистики [4]. При этом дисциплины, ориентированные на исследование человека и общества, ранее претендовавшие на методологическую автономию, в настоящее время становятся все более 'философичными' в своих поисках общих оснований [5, с. 142]. Тем самым мы фиксируем трудности междисциплинарного взаимодействия в условиях глобализации и отсутствия единых философских оснований. Разработка интегративной

концепции смысла способствовала бы преодолению имеющейся 'вавилонской' разрозненности.

Предпосылки смыслообразования

Проблема поиска смысла заключается не в обнаружении некой 'сущности', она скорее определяется условиями, при которых нечто обретает статус 'осмысленного'. Иными словами, данный поиск представляет собой процесс интеграции действий, явлений или идей в систему контекстов, которые обеспечивают их значимость, связность и направленность [6, с. 45]. Данный процесс предполагает не просто накопление информации, а выявление связей между объектом, субъектом и миром посредством нарративов, практик, интерпретаций и рефлексии. Таким образом, возникновение смысла — это результат взаимодействия субъекта, объекта и контекста.

Процесс смыслообразования зависит от трех взаимосвязанных предпосылок: онтологической, гносеологической и герменевтической.

Онтологическая предпосылка содержит в себе предположение о том, что смысл не является абстрактной сущностью, существующей независимо от человека (если мы выходим за рамки концепции объективного идеализма), он укоренен в самом способе человеческого существования. Мартин Хайдеггер в своем небольшом эссе *Время и бытие*, анализируя экзистенциалы человеческого существования, переосмысляет классическую онтологию, отказываясь от противопоставления субъекта и объекта [7]. По его мнению, исходным пунктом мышления о мире должно стать предельно общее осознание того, как мир раскрывается человеку — а именно, что человек изначально обнаруживает себя уже погруженным в мир. Хайдеггеровский концепт 'бытия-в-мире' утверждает онтологический приоритет над любым познавательным актом: сама возможность 'иметь дело' с сущим, 'относиться' к нему предшествует всем конкретным модусам этого отношения — будь то теоретическое исследование, эстетическое восприятие или утилитарное использование. Иными словами, онтологическая укорененность в мире является условием возможности любого последующего гносеологического или практического взаимодействия. В этом контексте смысл обнаруживает себя не в качестве свойства вещи, а в качестве способа, каким вещь открывается нам, будучи вовлеченной в человеческие проекты. Смысл, таким образом, онтологичен: он есть способ, каким мир является человеку, через его особый способ существования — 'заботу' (Sorge).

Гносеологическая предпосылка смыслообразования связана с условиями, при которых субъект способен познавать и конструировать значимость. Это подразумевает ответ на вопрос, как контекст, интенциональность сознания и практическая проверка формируют процесс осмысления. Гносеологическая предпосылка, вслед за онтологической, содержит в себе предположение о том, что смысл не существует априори — он возникает в акте по-

знания. Этот акт, в свою очередь, обусловлен контекстом, направленностью сознания и социальными практиками, которые формируют условия для его возникновения.

Если верно утверждение, что смысл невозможно отделить от контекста (исторического, культурного, языкового) его возникновения, то для обнаружения смысла требуется реконструкция последнего. Например, пытаясь интерпретировать текст *Божественной комедии* Данте, мы столкнемся с тем, что нам необходимо знать не только язык, но и социальные нормы, религиозные догмы, политические реалии эпохи и т. д. Таким образом, смысл — это не нечто статичное, а динамичное отношение между высказыванием, контекстом и интерпретатором. Людвиг Витгенштейн утверждал, что 'значение слова — это его употребление в языке', а смысл любого высказывания определяется не словарным значением, а языковой игрой — правилами, которые разделяются в конкретном языковом сообществе [8, с. 43]. Даже базовые понятия, например, такие как справедливость, достоинство и благо обретают смысл через традиции, в которые встроен субъект и со временем меняются. Чарльз Тейлор считал, что мы интерпретируем мир через 'сильные оценки' (serious assessments), которые укоренены в пространстве культуры и находят свое выражение в нарративах. [9, р. 99]. В свою очередь, размышляя о формировании наших представлений о благе, Аласдер Макинтайер замечал: «Как таковой, я унаследовал прошлое моей семьи, моего города, моего племени, моей нации и унаследовал различные долги, оправданные ожидания и обязательства. Они составляют данность моей жизни, мою моральную точку зрения» [10, с. 298]. Таким образом, для экспликации ценностей и смыслов необходима процедура реконструкции контекста, в котором они обнаруживаются, что всегда предполагает приобщение к пространству той или иной культуры.

Гносеологическая предпосылка содержит в себе предположение о том, что интенциональность определяет направление сознания, которое активно конструирует смысловые значения, опираясь на личный опыт существования познающего. Согласно Эдмунду Гуссерлю, сознание всегда интенционально — оно направлено на объект, смысл же возникает, когда сознание 'схватывает' объект в его феноменологической данности [11, с. 145]. Дополнительным элементом гносеологической предпосылки является прагматическая проверка, посредством которой смысл обнаруживает себя через практические последствия. Согласно прагматической максиме Чарльза Пирса «...следствия, у которых может быть практическое значение, имеет, как мы считаем, объект нашего представления [conception]. Тогда наше понятие обо всех этих следствиях и есть полное понятие о соответствующем объекте» [12, с. 293]. Это значит, что в практическом понимании смысл — это то, что способно породить действия с наблюдаемыми и ожидаемыми результатами. Иначе говоря, смысл есть основание для прагматического действия и не является сущностью или чем-то, отображающим реальность 'как она есть' [13, с. 372–373].

Таким образом, гносеологическая предпосылка содержит в себе три необходимых условия для экспликации смысла: реконструкцию контекста, определение вектора направленности сознания на предмет и обнаружение практических послед-

ствий осмысления. Смысл возникает там, где контекст, интенция, объект и действие пересекаются, формируя познаваемую реальность.

Герменевтическая предпосылка содержит представление о смысле как диалоге с традицией, осуществляемом через интерпретацию, которая всегда контекстуальна. При этом традиция не ограничивает понимание, а делает его возможным. Подобная интерпретация требует циклического движения между деталями, общей структурой познаваемого и контекстом, в который вписано познаваемое. Хайдеггер, в частности, утверждал, что герменевтический круг (предварительное схватывание целого → анализ частей → переосмысление целого) отражает онтологическую укорененность человека в мире, находясь в мире мы всегда обладаем предпониманием, которое уточняется в процессе осмысления [14, с. 111–112]. С точки зрения Ханса-Георга Гадамера, смысл проявляется в диалогическом взаимодействии, где происходит 'слияние горизонтов' интерпретатора и текста. Это взаимодействие не проходит бесследно, смысловой горизонт интерпретатора трансформируется, обогащаясь новыми перспективами, которые текст привносит в его опыт [15, с. 15–25]. Михаил Бахтин и Юрий Лотман рассматривали смысл как нечто диалогическое и динамическое: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом... Не может быть смысла в себе, он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним» [16, с. 280]. Оба мыслителя подчеркивали, что смысл не 'заложен' в осмысляемом объекте, формируя некую статичную сущность, а рождается в пространстве взаимодействия — между голосами, культурами и знаковыми системами. Такой подход расширяет классическую герменевтику, добавляя к ней измерения полифонии (Бахтин) и семиосферы (Лотман) [17, с. 36]. Только в таких условиях взаимодействия и диалога возможен семиозис, то есть возникновение смысла.

Таким образом, обозначенные предпосылки убеждают, что для возникновения смысла необходимо существование субъекта, встроенного в сеть практик отношений к миру и включение субъекта в семиосферу, в рамках которой возможен диалог и его интерпретация.

Онтология нарративного смысла

Категория 'нарративного смысла' раскрывается как необходимое условие существования человеческой субъектности. Нарративный смысл — это понимание окружающего мира, себя и человеческих действий через истории, которые придают событиям, мотивам и целям целостность, образуя единый сюжет повествования. Данный тип смысла возникает благодаря организации событий, мотивов и целей в целостное повествование, формирующее понимание окружающего мира, собственного 'Я' и человеческих действий. Таким образом, любое индивидуальное действие, как утверждал Макинтайер, обретает значение, лишь будучи «эпизодом в возможной истории» [10, с. 291]. Универсальность этого процесса коренится в самой культуре и обществе. Он является неотъемлемым элементом трансляции культурной традиции и норм, мы обнаруживаем его в рассказывании сказки, связывающем мать и ребенка, и в глобальных процессах, где нарративы становятся способом, в котором сохраняются и передаются моральные нормы и цен-

ности [10, с. 300]. Макинтайр подчеркивает, что мы всегда 'соавторы' своих историй, которые переплетаются с повествованиями других, формируя моральные традиции и социальные практики: «Мы не больше (а иногда и меньше), чем соавторы наших собственных нарративов... Каждый из нас, будучи главным актером своей собственной драмы, играет подчиненную роль в драме других, и каждая драма ограничивает этих других» [10, 287].

Проанализируем нарративный смысл с точки зрения трех обозначенных выше предпосылок смыслообразования.

Онтологический статус нарратива определяется его способностью репрезентировать 'бытие-в-мире' через описание соответствующих практик. С позиции Хайдеггера, нарратив является формой, в которой Dasein (как личностное существование) раскрывает свою экзистенциальную направленность посредством структурирования временности и актов самоинтерпретации. Ключевая функция нарратива заключается, таким образом, не в фиксации прошедших событий, а в конституировании самого 'бытия-в-мире'. Осуществляя синтез дискретных моментов опыта в целостную историю, нарратив устанавливает смысловую связь, где прошлое интерпретируется через проекты будущего, а настоящее выполняет функцию среды их диалектического взаимодействия.

'Временность существования' человека, с онтологической точки зрения, — это не просто темпоральность или последовательность разворачивания материи в пространстве, она экзистенциальна и находится в феноменологическом единстве прошлого, настоящего и будущего, образуя онтологическую структуру 'здесь-бытия': 'уже-бытие-в-мире' (модус прошедшего), 'бытия-при' (модус настоящего) и 'бытие-вперед-себя' (модус будущего). По Хайдеггеру эти три измерения образуют целостность 'здесь-бытие', в которой 'забота' выступает фундаментальным способом существования. В рамках данной онтологической перспективы конструирование автобиографического нарратива представляет собой акт самоопределения, ключевым элементом которого выступает нарративный смысл. Процесс формирования 'нарративного смысла' направлен на достижение и удержание аутентичности вопреки давлению 'несобственного' способа существования (das Man). Посредством нарративной деятельности Dasein осуществляет синтез своей фактической данности и проекта будущего, полагая собственное существование в качестве источника смыслопорождения. Таким образом, экзистенция, выступающая в качестве открытого проекта, подвергается нарративному оформлению, объединяя события в сюжетное единство, выявляя внутреннюю направленность 'Я'. В рамках этой направленности телеологический принцип фиксируется в качестве одной из возможных модальностей смысла.

Связь нарративного смысла с онтологическим дискурсом можно дополнительно обозначить, опираясь на тезис о возникновении смысла в момент ментального структурирования опыта, что исключает его трактовку как репрезентации объективных сущностей. Данная позиция сближает анализируемую категорию с установками концептуализма. Подобно тому, как универсалии в версии Абеяра обретали существование исключительно в пространстве языка и мысли, нарративный смысл предстает результатом активности интерпретирующего сознания, которое сообщает дискретным событиям

и фактам связность через их включенность в артикулированный сюжет [18, с. 8–9].

Человеческое существование обладает изначально интерпретативным характером и артикулируется через личные истории. Тем самым нарративный смысл не репрезентирует никакую априорную сущность, но формирует смысловую основу существования, в рамках которой смысл возникает в процессе наррации как реакция на экзистенциальный вызов временности и абсурда. Однако нарративный смысл возникает только тогда, когда события помещены в контекст, который субъект способен интерпретировать. Различие между хроникальной фиксацией событий в виде простой временной последовательности и нарративом обнаруживается в способности последнего порождать смысловое измерение. Этот специфический смысл конституируется через трансформацию событийного ряда в сюжетную организацию, где устанавливаются каузальные связи и осуществляется интерпретационная работа, придающая значимость и понятность повествованию.

Подчеркивая фундаментальную важность осмысления человеческих действий, Макинтайр утверждает, «что концепция разумного действия является более фундаментальной концепцией, чем концепция действия как такового» [10, с. 281–282]. Действие обретает статус разумного тогда, когда оно допускает свою интеграцию в повествовательную структуру в качестве сюжетного элемента. «Важность концепции разумности тесно связана с тем фактом, что самое базисное различие из всего того, что включено в наш дискурс и нашу практику в этой области, — это различие между человеческими существами и другими существами. Человеческие существа могут быть ответственны за совершенное ими; другие существа не могут... Следовательно, это означает понимание действия [человека] как нечто такого, что объяснимо, относительно которого всегда уместно разумное объяснение» [10, с. 282]. Макинтайр обосновывает тезис о том, что категория 'разумности' применима к действиям только при их анализе в контексте интерпретативных моделей, делающих эти действия доступными для понимания. Исходя из этого, предложенная им концепция нарратива определяется как дискурс, объектом которого являются рефлексивные и интенциональные агенты, а содержанием — каузально-смысловая ткань их поступков.

Нарративное понимание предполагает не только реконструкцию причинно-следственных связей, но и герменевтическую процедуру. Интеллигентность действия определяется его интенциональным и культурно-историческим контекстом, в котором раскрываются мотивы и цели агента. Таким образом, телеологичность является конституирующим свойством нарратива, поскольку его смысловая структура организуется вокруг каузальных и целевых причин действия.

Способность к конструированию нарративного смысла является исключительным онтологическим признаком человеческого существования. Конституируя и реализуя жизненный проект в качестве некой целостности, субъект достигает (хотя фрагментарного, неполного и всегда непостоянного) рефлексивного осознания собственных мотивов, целей и стратегий действий. Данная рефлексивная осознанность оказывает влияние на формирование жизненных стратегий. Формирование автобиографического нарратива, обращенного как к самому

себе, так и к Другому, выступает в качестве конституирующего свойства нашей личности. Именно эта способность к генерации нарративного смысла утверждает 'Я' в статусе рефлексивного и интенционального субъекта.

Если мы принимаем положение об изначальной герменевтической устроенности человеческого существования, то мы вынуждены согласиться с тем, что нарративный смысл, формируется в пространстве культурных практик, задающих рамки интерпретации. Из этого следует: во-первых, положение о социально-обусловленном характере нарративного смысла; во-вторых, отрицание возможности аутентичного самоконструирования вне культурных контекстов. Процесс идентификации, таким образом, предстает не как автономный спонтанный акт в 'настоящем', но является герменевтическим актом, растянутым во времени. Самоидентификация происходит посредством динамичной нарративизации собственного жизненного проекта, которая осуществляется с использованием предзаданных культурных схем и способов описания.

Герменевтический подход ставит под сомнение саму постановку проблемы, противопоставляющую 'жизнь как она есть' и 'рассказ о жизни'. Ошибочно как приписывать потоку жизненного опыта внутреннюю сюжетность, так и полагать, что нарратив есть всего лишь вторичное оформление уже состоявшегося. В действительности мы имеем дело с неразрывным единством. Нарративная интерпретация — это не фальсификация некоего дорефлексивного 'реального' настоящего, а фундаментальный, конституирующий элемент человеческого способа существования. Изучая нарративное конструирование реальности, Джером Брунер утверждал, что «жизнь, прожитая, неотделима от жизни, рассказанной — или, говоря более прямо, жизнь — это не «как она была», а то, как она интерпретируется и переинтерпретируется, рассказывается и пересказывается» [19, р. 708].

В рамках герменевтической традиции, человеческое бытие по своей сути является непрерывным процессом интерпретации; поэтому противопоставление реальности человеческого существования и нарративного смысла, основанное на допущении, что интерпретация присуща лишь последнему, на деле оказывается мнимым. Данная оппозиция некорректна, так как отрицает конституирующую роль интерпретации в структурировании любого человеческого опыта.

Нарративный смысл как особый тип смысла

Нарративный смысл в интерпретации таких философов, как Аласдер Макинтайр, Чарльз Тейлор и Поль Рикёр, принципиально отличается от иных типов смысла — укоризненностью в исторических повествованиях, посредством которых конструируется связь между существованием 'Я', индивидуальными аксиологическими установками и культурной традицией. В рамках этого подхода смысл понимается как производное от унаследованного комплекса традиций, языковых игр и опыта межличностных отношений. В отличие от инструментального метода (где смысл ценен как средство достижения цели), абстрактно-рациональных форм знания (где смысл — это выражение логических законов и универсальных принципов) или экзистенциально-подхода (понимающего смысл как активное проявление индивидуальной воли) нарративный смысл связывает индивидуальный и коллективный опыт,

проводя герменевтическую процедуру, обращаясь к унифицированному пространству культуры. В этом пространстве осуществляется смысловая актуализация опыта посредством его сюжетно-интриговой организации. Анализируя процесс конституирования нарративного смысла, Валерий Тюпа отмечает: «Основной механизм порождения нарративного смысла — интрига: не в качестве сюжетной схемы, а в качестве конкретной цепи эпизодов в их конструктивных разграничениях и сцеплениях, реализуемых фокализацией и вербализацией текста» [20, с. 29].

Обозначим ключевые отличия нарративного смысла от других типов смысла. В отличие от инструментального подхода, обнаруживающего смысл через его утилитарные последствия, нарративный смысл подразумевает, что любое событие оказывается постижимым, только если оно занимает определенное место в какой-то нарративной последовательности, цепи эпизодов, объединенных сюжетом. Отсюда смысл и значимость происходящего становятся нам понятны только тогда, когда происходящее является элементом какой-то рассказываемой истории.

Абстрактно-рациональная форма знания выражает универсальные принципы и значения, обнаруживая их от этики до математики. Нарративный подход всегда подразумевает анализ конкретных повествований с точки зрения их связи с тем или иным культурным контекстом. Если обязанность говорить правду для Канта является универсальной этической максимой в независимости от контекста (прячете ли вы друга от преследующего его убийцы или платите налоги), то для Макинтайра не существует универсального значения поступка и его смысла; смысл поступка всегда зависит от конкретной истории и культурного контекста: «То, что я представляю собой, в решающей степени есть то, что я унаследовал, то специфическое прошлое, которое представлено до некоторой степени в моем настоящем. Я обнаруживаю, что являюсь частью истории, и это вообще означает, нравится мне это или нет, осознаю я это или нет, что я один из носителей традиции. Когда я характеризую концепцию практики, важно отметить, что практики всегда имеют историю и что в любой данный момент то, чем является практика, зависит от ее понимания, которое часто проносится через многие поколения» [10, с. 299].

Нарративный смысл подразумевает, что значения и ценности обнаруживаются только в историях. Развивая данный тезис, Тейлор утверждал, что 'сильные оценки' могут обрести смысл только будучи встроенными в автобиографические нарративы, через которые мы объясняем, кто мы и почему поступаем тем или иным образом. Таким образом, построение личного нарратива получает статус конституирующей практики, создающей смысловое поле взаимодействия между ценностями и процессами самоопределения. Данный тезис Тейлор выражает с помощью риторического вопроса: «Когда речь идет о делах человеческих, известны ли нам более адекватные критерии реальности, чем те понятия, которые в результате критических размышлений и исправления выявленных ошибок наилучшим образом объясняют нашу жизнь?» [9, р. 57]. В философии Тейлора процесс осмысления динамики жизненного пути неизбежно сопряжен с осмыслением ценностных ориентиров, выступающих фундаментом интенциональных установок, миро-

воззренческих позиций и поведенческих детерминант. Трансформация этих смысловых оснований может быть вызвана как критическим переосмыслением сложившегося автобиографического сюжета, так и новым опытом существования. Трансформация в понимании себя выражается в изменении или замене прежней автобиографической истории измененной версией, обладающей большей объяснительной силой и субъективной приемлемостью. Эта циклическая динамика смыслопорождения получает у Тейлора обозначение как принцип 'наилучшей из возможных артикуляций опыта' (Best Account). Канадский философ утверждает, что распад нарративной структуры и сюжетной организации опыта существования 'Я' приводит к семантическому коллапсу, следствием которого становится экзистенциальная дезориентация.

Подход, в котором нарратив понимается как фундаментальное условие осмысленного существования, переключается с максимой Сократа, утверждавшего, что неисследованная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой. В рамках этого подхода нарратив предстает в роли когнитивного инструмента — механизма, который, интерпретируя жизненный опыт и конституирует значимый миропорядок. Нарративизация опыта, являясь способом интерпретации существования субъекта, позволяет выстроить из различных эпизодов жизни каузальный, поддающийся расшифровке порядок преодоления абсурда как экзистенциальной установки отношение человека к миру. Тем самым нарративный смысл является важным элементом конструирования идентичности.

Социологический подход часто описывает идентичность через фиксированные категории. Нарративный подход, напротив, трактует идентичность как всегда незавершенный процесс, где 'Я' конструируется через автобиографический нарратив.

Сторонники нарративных теорий тождества (Поль Рикёр, Мария Шехтман, Дэниел Деннет, Чарльз Тейлор, Дмитрий Волков и др.) рассматривают личный нарратив в качестве конституирующего условия личности. Ключевым сходством предлагаемой авторской позиции с данными теориями является признание тезиса о том, что идентичность не существует независимо от опыта личности и его выражения от первого лица. Это, в свою очередь, формирует представление о 'Я' как о чем-то, существующем *a posteriori*, а не *a priori*, — в виде опыта, который нуждается в толковании, то есть в формировании нарративного смысла. Однако, в отличие от теорий нарративного тождества (например, Деннета, акцентирующего когнитивный и инструментальный аспект нарратива как средства организации опыта, или Шехтман, связывающей автобиографический нарратив в первую очередь с психологической связностью и моральной ответственностью), в рамках предлагаемого подхода нарративный смысл раскрывается в своей синтетической природе, укорененной в онтологии 'Я' и герменевтическом диалоге с культурной традицией.

Таким образом, автобиографический нарратив предлагается понимать в качестве фундаментального способа человеческого существования, в котором онтологическое, гносеологическое и герменевтическое измерения смысла образуют холистическое единство. Это позволяет отказаться от редукции человеческой идентичности до чисто психологической, лингвистической или физикалистских конструкций и рассматривать ее как сложный

экзистенциально-смысловой проект, реализуемый в пространстве культуры.

С точки зрения нарративного подхода описание генезиса идентичности должно учитывать две взаимосвязанные позиции: (1) идентичность не является естественной или априорной данностью сознания; (2) она возникает в результате опосредующего воздействия нарративных структур, понимаемых как совокупность сюжетных моделей повествовательной организации опыта. Как писал Рикер: «... не бывает понимания себя, не опосредованного знаками, символами, текстами; понимание себя совпадает в конечном итоге с интерпретацией, примененной к этим последующим текстам» [21, р. 29]. Выход к личности (к тому, кто я есть?) и к истолкованию собственных жизненных ситуаций «осуществляется возможностью придать своему существованию особый смысл, почерпнутые из повествовательных ресурсов культуры, имеющихся в распоряжении Я» [22, с. 15]. Это подразумевает, что становление идентичности осуществляется через постоянную рефлексивную работу с семантическими элементами автобиографического повествования, структурирующего опыт в динамическую систему сюжетных связей и смысловых перспектив.

Заключение

Нарративный смысл, как особый тип смысла, организует личный опыт в каузальную структуру, связывающую индивидуальные события с культурными и социальными контекстами через их интерпретацию в едином сюжете. Он раскрывается как синтетическая категория, репрезентирующая онтологическую укорененность человека в мире, гносеологическую активность сознания и герменевтический опыт. С онтологической позиции нарративный смысл выступает формой репрезентации 'бытия-в-мире', где временность структурирует существование, связывая прошлое, настоящее и будущее в целостный сюжет. В своем гносеологическом аспекте он обеспечивает связность и понятность действий через погружение их в контекст культурных практик, превращая разрозненные события в осмысленные эпизоды истории. Герменевтическое измерение нарратива раскрывается как диалог с культурной традицией, где спектр полученных интерпретаций обогащает субъекта новыми смыслами.

Через автобиографический нарратив субъект преодолевает экзистенциальную изоляцию, конструируя личную идентичность как динамичный процесс интерпретации своего опыта существования, обращаясь к той или иной традиции, тем самым совершая акт самоопределения. С точки зрения выстраивания личной идентичности, нарративный смысл автобиографического повествования выступает основанием для удержания чувства собственной аутентичности перед модальностью 'несобственного' существования. Экзистенциальный опыт преобразуется в автобиографический нарратив, в ходе конструирования которого человек проясняет для себя смысл событий, ценностей и целей.

Таким образом, нарративный смысл выступает не просто инструментом описания происшедших событий, объединенных в едином сюжете, но и является способом конституирования субъективной и интерсубъективной реальности. Через истории человек не только объясняет мир, но и активно создает его, преодолевая экзистенциальную изоляцию, утверждая свою идентичность в динамике взаимо-

действия с культурным, этическим и темпоральным горизонтами существования.

Список источников / References

1. Шлик М. Вопросы этики // Логос. 2008. № 1 (64). С. 188–206. EDN: TJUJJ.
2. Schlick M. Voprosy etiki [Ethical Questions]. *Logos*. 2008. No. 1 (64). P. 188–206. EDN: TJUJJ. (In Russ.).
3. Давлетшина А. М. Экзистенциализм М. Шлика? Мориц Шлик и его этика молодости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24, № 3. С. 445–456. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-445-456. EDN: FZZSRQ.
4. Davletshina A. M. Ekzistsentsializm M. Shlika? Morits Shlik i yego etika molodosti [M. Schlick's Existentialism? Moritz Schlick and His Ethics of Youth]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya. RUDN Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 24, no. 3. P. 445–456. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-445-456. EDN: FZZSRQ. (In Russ.).
5. Хомский Н. Системы власти: Беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 200 с.
6. Chomsky N. Sistemy vlasti: Besedy o global'nykh demokraticeskikh vosstaniyakh i novykh vyzovakh amerikanskoj imperii [Power Systems: Conversations on Global Democratic Uprisings and the New Challenges to U.S. Empire]. Moscow, 2014. 200 p. (In Russ.).
7. Кузьмина М. А. Смысл как междисциплинарный объект // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 130–141. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141. EDN: RERRTD.
8. Kuzmina M. A. Smysl kak mezhdistsiplinarnyy ob'ekt [The Meaning as a Subject of Interdisciplinary Studies]. *Voprosy Filosofii*. 2021. No. 8. P. 130–141. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141. EDN: RERRTD. (In Russ.).
9. Лекторский В. А. Зачем нужна сегодня философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 140–143. EDN: YZAYKL.
10. Lektorskiy V. A. Zachem nuzhna segodnya filosofiya [Why Do We Need Philosophy Today?]. *Voprosy Filosofii*. 2017. No. 7. P. 140–143. EDN: YZAYKL. (In Russ.).
11. Давыдов А. П. Механизм смыслообразования как предмет философского анализа // Мир психологии. 2001. № 2. С. 35–45. EDN: VHBNCE.
12. Davydov A. P. Mekhanizm smysloobrazovaniya kak predmet filosofskogo analiza [Mechanism of Semantic Formation as a Subject of Philosophical Analysis]. *Mir psikhologii. World of Psychology*. 2001. No. 2. P. 35–45. EDN: VHBNCE. (In Russ.).
13. Хайдеггер М. Время и бытие // Метафизика. 2011. № 1 (1). С. 205–224. EDN: TDXUGD.
14. Heidegger M. Vremya i bytiye [Being and Time]. *Metafizika. Metaphysics*. 2011. No. 1 (1). P. 205–224. EDN: TDXUGD. (In Russ.).
15. Витгенштейн Л. Философские исследования. Москва: АСТ, 2018. 352 с.
16. Wittgenstein L. Filosofskiye issledovaniya [Philosophical Investigations]. Moscow, 2018. 352 p. (In Russ.).
17. Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2006. 602 p.
18. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с. ISBN 978-5-88373-700-7.
19. MacIntyre A. Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali [After Virtue: A Study in Moral Theory]. Moscow, 2000. 384 p. ISBN 978-5-88373-700-7. (In Russ.).
20. Гуссерль Э. Картезианские размышления. Санкт-Петербург: Наука, 2000. 316 с.
21. Husserl E. Kartezianskiye razmyshleniya [Cartesian Meditations]. Saint Petersburg, 2000. 316 p. (In Russ.).
22. Peirce C. S. How to Make Our Ideas Clear. *Popular Science Monthly*. 1878. No. 12. P. 286–302.
23. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека. Москва: Республика, 2003. 494 с. ISBN 5-250-01849-1.
24. Dewey J. Rekonstruktsiya v filosofii. Problemy cheloveka [Reconstruction in Philosophy. Problems of Men]. Moscow, 2003. 494 p. ISBN 5-250-01849-1. (In Russ.).
25. Гребенев А. Н. Через интерпретацию к пониманию в рамках герменевтического круга // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 5 (19). С. 111–120. EDN: JWMKRT.
26. Grebenev A. N. Cherez interpretatsiyu k ponimaniyu v ramkakh germenevticheskogo kruga [From Interpretation to Understanding within the Bound of Hermeneutic Circle]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Pushkin Leningrad State University Journal*. 2008. No. 5 (19). P. 111–120. EDN: JWMKRT. (In Russ.).
27. Гадамер Г. Г. Философские основания 20 века // Актуальность прекрасного. Москва: Искусство, 1991. 368 с.
28. Gadamer H.-G. Filosofskiye osnovaniya 20 veka [The Philosophical Foundations of the Twentieth Century]. *Aktual'nost' Prekrasnogo*. Moscow, 1991. 368 p. (In Russ.).
29. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 289 с.
30. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, 1979. 289 p. (In Russ.).
31. Смирнова Н. М. Понятие смысла в зеркале герменевтических практик // Вопросы социальной теории. 2018. Т. 10. С. 25–37. DOI: 10.30936/2227-7951-2018-10-25-37. EDN: UYFBIG.
32. Smirnova N. M. Ponyatiye smysla v zerkale germenevticheskikh praktik [The Concept of Meaning in the Mirror of Hermeneutic Practices]. *Voprosy Sotsialnoy Teorii*. 2018. Vol. 10. P. 25–37. DOI: 10.30936/2227-7951-2018-10-25-37. EDN: UYFBIG. (In Russ.).
33. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. Москва: Гнозис, 1994. 216 с.
34. Neretina S. S. Slovo i tekst v srednevekovoy kul'ture. Kontseptualizm Abelyara [Word and Text in Medieval Culture. Abelard's Conceptualism]. Moscow, 1994. 216 p. (In Russ.).
35. Bruner J. Life as Narrative. *Social Research: An International Quarterly*. 2004. Vol. 71, no. 3. P. 691–710. DOI: 10.1353/sor.2004.0045.
36. Тюпа В. И. Нарратология и этика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 29–44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102. EDN: UNLZXB.
37. Tiupa V. I. Narratologiya i etika [Narratology and Ethics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022. Vol. 19, no. 1. P. 29–44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102. EDN: UNLZXB. (In Russ.).
38. Ricoeur P. Du texte à l'action. Essais d'hermeneutique, II. Paris: Seuil, 1986. 409 p.
39. Михайлова Г. П. Читая «Гамлета», или Обретение самости // Вопросы русской литературы. 2016. № 4. С. 14–31. EDN: YWQVAT.
40. Mikhaylova G. P. Chitaya «Gamleta», ili Obreteniye samosti [Reading "Hamlet", or the Finding Self]. *Voprosy Russkoy Literatuy*. 2016. No. 4. P. 14–31. EDN: YWQVAT. (In Russ.).

БАБИЧ Владимир Владимирович, кандидат философских наук, магистр кафедры «История философии и логики» Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. SPIN-код: 1277-7431
AuthorID (РИНЦ): 752690
ORCID: 0000-0001-8537-9782
Адрес для переписки: v.v.babich@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в пред-

ставленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 12.01.2026.

BABICH Vladimir Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Master's Degree of the History of Philosophy and Logic Department, National Research Tomsk State University, Tomsk.

SPIN-code: 1277-7431

AuthorID (RSCI): 752690

ORCID: 0000-0001-8537-9782

Correspondence address: v.v.babich@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 12.01.2026.